

Всякий раз, когда Сун Ю вспоминал Весенний торжественный банкет, он не мог сдержать улыбку.

Напившийся под кустами китайских роз, захваченный в заложники, своенравно и громко рыдающий над раной — он увидел три разных образа Ли Цунцина, и все же, все эти разные образы были симпатичными. Несмотря на то, что Ли Цунцин был мужчиной, кроме слова "милый", не было другого подходящего прилагательного, которое можно было бы придумать.

— Угу, иногда он действительно милый. Особенно, когда у него сонное выражение лица, как у нежного и очаровательного щенка... Неправильно! Я здесь не для того, чтобы говорить об этом. Третий брат, ты позволил Сяомяю отправиться в Чунань, ты собираешься отдать его седьмому брату? — спросил Сун Сюань.

— Следовать или не следовать за седьмым младшим братом — все зависит от желания Сяомяю, — беспечно ответил император.

— Если это так, то зачем приказывать Ли Цунцину ехать вместе?

— У меня свои цели.

Сун Сюань колебался какое-то время, он собирался что-то сказать, обдумывая, говорить это или нет:

— Третий брат, недавно твой брат услышал несколько слухов... м-м-м... Я не знаю, должен ли я говорить тебе или нет.

— Я знаю: слухи о Ли Цунцине, верно?

— Действительно, в этом мире ничего, что способно скрыться от тебя! — Сун Сюань преувеличенно вздохнул от восхищения. — Ты отпустил его в это время, не боишься, что он не вернется?

— Нет, он обязательно вернется. Возвратится ко мне, — хотя тон императора оставался прежним, без каких-либо подъемов и падений, словно набегающая волна, слова, сказанные им, показали твердое доверие.

— Иногда твой подданный брат действительно не понимает, на самом деле это ты подстраиваешься под Ли Цунцина или Ли Цунцин подстраивается под тебя?

Император только рассмеялся, ничего не ответив.

Правильно сказать, они оба взаимно подстроились друг под друга!

Каждый раз, когда Ли Цунцин демонстрировал свое упрямство, император терпеливо использовал мягкую речь и теплые слова, уговаривая или уступая его прихотям. Он никогда не чувствовал себя заскучавшим или больным из-за него, он не мог злиться на него даже немного. Он думал только о том, чтобы нежно его любить, баловать, давать ему лучшие в мире вещи — Ли Цунцин на самом деле был испорчен и избалован им. Подумать только, он — впечатляюще достойный Сын Небес, император Дашао — и в этом мире единственный, кто мог стать причиной того, чтобы он охотно оказался на грани мелочности и слабости, был Ли Цунцин.

Так называемое: "есть нечто большее над великим" — исходило ли это высказывание из такого рода ситуации?

Вначале он не ожидал, что Ли Цунцин займет столь значимые масштабы в его сердце. Ниточка за ниточкой, капелька за капелькой, направленные на самое основание его сердца, чувства глубоко укоренились, крепко запутались и густо обвились, пока их уже нельзя было удалить.

В этой жизни он уже не мог находиться без этого человека.

Но он верил, что Ли Цунцин такой же.

Один не может без другого.

Он знал, что за пределами императорского кабинета слух о нем и помощнике министра обрядов тихо распространялся, подобно ряби. Предположительно скоро он вызовет штормовые ветры и волны, способные разорвать их. Император слишком хорошо знал этого человека. Он практически уже мог предсказать его реакцию.

Он сбежит!

После этого он вернется к нему.

Звезды, независимо от того, какое движение они совершили в небе, в конце концов, вернутся в то же самое место. Ли Цунцин однажды указал на звездное небо и сказал ему это. Те глаза, которые днем всегда были наполовину открыты и наполовину закрыты, как будто ему не хватало сна, при тусклом свете ночи имели такую четкость и яркость, словно сияли.

Так что неважно, куда он пойдет, как далеко он будет и насколько долго — в конце концов он вернется к нему.

Определенно!

Благополучно избежав великого бедствия, человек, несомненно, будет иметь в будущем благословения до старости.

Ли Цунцин, которому не повезло — но повезло больше всех — подтвердил это высказывание.

В действительности, хотя его ранили в плечо, пронзив насквозь, но меч был тонкий и острый, что мог разрезать железо, как грязь*, а кончик меча узкий, поэтому рану он нанес весьма легкую. Большой вред причинил удар и извлечение тупой стороны меча. Также ему очень повезло, что меч не повредил мышцы, артерии и вены. На первый взгляд, это была как будто очень опасная рана, но она едва ли не спасла его от ужасных последствий. Мастерство убийцы, чей мозг был не таким умным, поистине замечательное. Какой удивительный навык!

[П\п: *"мог разрезать железо, как грязь" — меч исключительно острый].

Строго говоря, его рана могла считаться довольно серьезной только для кожи и плоти. Благодаря лечению императорского лекаря с применением императорских лекарств она затянулась и зажила в течение короткого периода времени. Восстановление также прошло очень гладко. Ли Цунцин больше не кричал от боли, как цыпленок на разделочной доске.

Тем не менее, его холили и баловали в течение двух месяцев, пока он, восстанавливая силы, оставался дома. Его семья удвоила свою заботу о нем. Даже Ли Цунинь, любящий деньги, как свою собственную жизнь, также не возражал потратить средства на него. Он закупил самые ценные, полезные питательные вещества высокого качества, чтобы кормить его каждый день.

Но все же рот старшего брата оставался таким же суровым, как и раньше, он сказал:

— Ты не должен быть столь тронут: твой старший брат все еще рассчитывает на тебя, чтобы создать связь с правительством, поэтому, пожалуйста, не трать впустую оленьи рога высшего качества и тысячелетний женьшень. Быстро поправляй здоровье и убирайся, возвращайся во дворец.

Ли Цунцин хихикнул, парировав:

— Твой младший брат все еще хочет съесть Ю Чань Сюэ Ха* и семя ледяного лотоса из полярного региона.

[П\п: *"Ю Чань Сюэ Ха" буквально означает "нефритовая жаба, снежная лягушка". Либо это что-то из традиционной китайской медицины, либо выдумка автора].

— Тупой мальчишка! Почему бы тебе просто не сдохнуть!

На следующий день густой суп Ю Чань Сюэ Ха и бульон из семян ледяного лотоса были поданы в качестве закуски после еды. Протяни руку — вот и чай. Открой рот — придет еда. Он

буквально жил в раю на земле. Что за мир мечты.

Какое благословение будет у него дальше?

Именно в тот день, когда он вернулся во дворец к своим обязанностям, наконец, он смог исполнить свое давнее желание: перевестись в Министерство обрядов в качестве помощника министра.

Вот как это произошло. После утреннего заседания его вызвали в императорский кабинет. В то время там уже присутствовали министр Сюй из Министерства гражданской службы, министр Чжан из Министерства обрядов и Великий наставник государства. Эти трое были довольно высокопоставленными чиновниками, а также самыми почетными.

После того, как он поклонился в приветствии императору, Великий наставник посмотрел на него дружелюбным взглядом и спросил:

— Пионы уже в полном цвету, вы хотите снова сорвать цветок?

Ли Цунцин сложил ладони вместе, чтобы поприветствовать его, и ответил:

— Спасибо, Великий наставник, за недавние наставления. Цветок был посвящен императору, скромному подданному не нужно его снова срывать.

— Я помню, что цветок был съеден вами, — министр Чжан смотрел на него так же дружелюбно, как Великий наставник — на первый взгляд он определенно имел очень-очень приятную внешность старого благородного человека.

Ли Цунцин не показал смущения, рассмеялся и, сложив руки, почтительно сказал:

— У Господина Чжана очень хорошая память, он смог вспомнить дело этого скромного подчиненного в тот день.

— Сегодня император позвал вас сюда, потому что за несколько месяцев до этого вы совершили достойную службу, спасая Его Величество. Спрашиваю вас, что желаете в награду?
— министр Сюй упомянул о главной теме.

Выполнил достойную службу, спасая императора? Ли Цунцин был слегка ошарашен. Может быть, они имеют ввиду тот раз, когда он оттолкнул императора, тем самым испортив неудачную попытку убийцы ранить его? А-йи, на самом деле убийца приложил столько сил, когда толкал его, что он также в конечном итоге оттолкнул императора. В то время царил хаос, поэтому они спутали его действия, словно это он имел отношение к тому толчку. Что за мысли о том, что он хотел спасти монарха? Это просто похоже на то, что называют чистым совпадением.

— Скромный подчиненный не посмеет. Он желает только благополучия Его Величеству. Даже если бы скромный подданный потерял свою жизнь — это того стоило. Он абсолютно не решается добиваться какой-либо награды, — Ли Цунцин почувствовал благоговейный трепет, выступая в качестве почетного чиновника, которому не хватало его уверенности.

— Ли Цунцин, вы можете смело просить все, что хотите, — сказал император.

— Это верно. Вам нет нужды отказываться. Что ваше — будет вашим, — добавил с улыбкой Великий наставник государства, похоже, ему нравился этот молодой человек.

Прямолинейно отказываться от предложений других было невежливо, и император настаивал на его одаривании. Если он не согласится, это будет считаться неуважением. Ли Цунцин поразмыслил, затем последовал за тем, что правильно, как поток следует своему курсу*:

— В таком случае, у смиренного подданного есть только одно желание: желание перевестись в другой отдел.

[П/п: *"следовать тому, что правильно, как поток следует своему курсу" — готовность принять хорошие советы других людей].

— Хотите получить повышение? — поднял брови министр Сюй.

— Нет. Смиренный подданный желает, чтобы его перевели в Министерство обрядов. Если будет необходимо понизить в должности, я также не возражаю.

Было слишком поздно просить о повышении, но на самом деле, был кто-то, кто попросил о понижении в должности? Министр Сюй посмотрел на него в изумлении. Могло быть такое, что мозг этого парня разрушился от удара убийцы?

— Министерство обрядов — совсем неплохо. Если вы перейдете в Министерство обрядов, вы сможете часто ходить в храм Байху, чтобы рвать пионы, — сказал ему со смехом Великий наставник.

Упомянув горшок, который не кипит*, Великий наставник государства снова поднял этот вопрос. Ли Цунцин не мог не подумать про себя: "Я слышал, что постоянное повторение одного и того же указывает на то, что старик начинает терять свою мудрость. Может быть, у Великого наставника слабоумие пожилых людей?"

[П/п: *"упомянув горшок, который не кипит" — прикоснуться к чьему-то больному месту, к слабости].

— Почему вы хотите, чтобы вас перевели в Министерство обрядов? — спросил министр Чжан.

Достаточно сказать, что в настоящее время он служит в Министерстве доходов — это самый простой способ показать свою мудрость и способности среди всех шести управлений министерств. Это был департамент, который давал возможности достигнуть некоторых положительных оценок. Почему он хочет перевестись в Министерство обрядов, которое имеет наименьшие перспективы среди всех шести управлений министерств?

— Ответ господину Чжану: потому что скромный подчиненный больше интересуется общими делами Министерства обрядов.

Интерес? Он воспринимает общие дела двора, как развлечение? Удивление в глазах министра Сюй полностью стерлось. Он ответственен за назначения, увольнения и перевод чиновников четвертого ранга и ниже в течение такого долгого времени в Министерстве гражданского ведомства — естественно, он будет смотреть свысока на людей, которые не имеют никаких амбиций вообще.

— Есть ли вакантная должность в Министерстве обрядов? — спросил император.

— Ответ Вашему Величеству: Министерство обрядов все еще нуждается в помощнике министра, — ответил министр Чжан.

— Тогда, начиная с завтрашнего дня Ли Цунцин будет переведен в Министерство обрядов в должность помощника министра с официальным присвоением ему третьего ранга, — приказал сразу император.

— Смиренный подданный благодарит Ваше Величество, — Ли Цунцин опустил на колени, чтобы поклониться в знак благодарности. Быть помощником министра в Министерстве обрядов было для него прямым воплощением мечты: разбираться с небольшими проблемами, большая зарплата и очень близко к его дому.

— Вы все можете вернуться к своей работе. Ли Цунцин, оставайтесь здесь, — приказал император.

— Смиренные подданные просят удалиться.

— Ли Цунцин, теперь можете подняться.

— Благодарю Вас, Ваше Величество.

— Поднимите голову.

Ли Цунцин послушался приказа и поднял голову.

Император внимательно осмотрел его. Он не видел его целых два месяца: цвет его лица, по сравнению с тем временем, когда он был ранен, стал намного лучше, настолько, что его наружность стала пухлее и румянее — совершенно гладкая. Его кожа излучала тонкий и мягкий глянцевый цвет, его губы также восстановили свой весенний цветочный оттенок: нежный, свежий и красивый.

Император осознал, что бессознательно скучал по нему.

— Рана все еще болит? — его интонация без его ведома стала мягкой и нежной, в отличие от предыдущего неприступного тона.

— Спасибо за беспокойство Вашего Величества, больше не больно.

Император внезапно захотел посмотреть на рану Ли Цунцина, хотел проверить, действительно ли она зажила или нет. Статус императора, конечно, не позволял ему сделать это. Также такого рода импульс заставил даже его удивиться самому себе, а его сердце на некоторое время забило сильнее. Он не понимал, почему так беспокоился об этом человеке? Потому что два месяца назад тот чуть не умер за него?

Он император Дэчжи, мало ли наберется людей, которые добровольно умрут за него? У него никогда раньше не было такого странного беспокойства о ком-то. Он не мог не почувствовать некоторую досаду и раздражение из-за этого неопишуемого чувства, которого у него не должно было быть.

У Ли Цунцина, на которого император так пристально смотрел, появилось ощущение онемения кожи головы. Он, всегда умевший вести себя непринужденно и комфортно в любых обстоятельствах, перед императором на самом деле чувствовал себя неуютно. Насколько неловко — особенно, когда император молча внимательно смотрел на него, словно хотел что-то найти на его теле, — что это вызывало желание сказать ему: можете ли Вы больше не смотреть на меня, я не очень хорошо выгляжу.

Император, заметивший, что Ли Цунцин испытывает неудобство, торжественно спросил его:

— Вы уже повзрослели, почему еще не женились?

Э-э-э? Чтобы император беспокоился о такой сложной проблеме — Ли Цунцин не мог не испугаться.

— Ответ Вашему Величеству: скромный подчиненный еще не встретил подходящего партнера.

На самом деле, были люди, предлагавшие стать его сватами в расчете обеспечить его девушками для замужества. Их было немало: в конце концов, он молодой чиновник, успешно сдавший имперский экзамен — идеальный кандидат, поскольку имел обнадеживающие

перспективы на будущее. Но каждый из них получил от него отказ. Кроме того, понятия семьи Ли относительно романтических чувств, брака и тому подобного были достаточно спокойные. Хотел он жениться или остаться холостым и неженатым: все хорошо, пока он счастлив — они не заставят его. Его жизнь принадлежала ему, и он мог свободно выбирать, как он хотел жить.

— Как насчет того, чтобы я стал вашей свахой?

Э-э-э? Э-э-э? В одно мгновение Ли Цунцин обомлел от шока. "Великий и могущественный, Ваше Величество, император, умоляю Вас, не используйте это серьезное и торжественное выражение, а также серьезный тон. Говорить, как те женщины сомнительного характера — это не соответствует Вашей блестящей, священной, внушительной и достойной фигуре вообще".

— Спасибо за беспокойство, Ваше Величество. В данный момент скромный подданный не собирается жениться.

— Почему? — он спросил прямо о настоящей причине.

"Это просто потому, что я не хочу — нет такого вопроса, как почему".

— Ответ Вашему Величеству: смиренный подданный желает лишь полного успеха — только тогда я смогу создать семью, — если бы это было действительно так, то он, скорее всего, никогда не смог бы жениться в этой жизни.

Император все еще смотрел на него некоторое время, прежде чем сказать:

— Вы можете идти.

— Смиренный подданный просит прощения.

"Уф", — Ли Цунцин тайно облегченно вздохнул. Кто бы мог подумать, что император тоже любит играть в сваху? Он даже лично занимается брачными делами своего подданного. Воистину, проявляет себя, словно, так называемый, добрый император, которого каждый голос восхваляет*, любящий свой народ, как своих собственных детей. (Не так ли?)

[П/п: *"каждый голос восхваляет" — с обширной общественной репутацией].

С этих пор наш Ли Цунцин поехал кататься и занимать официальную должность*. Удовлетворенно и с ликованием он перешагнул через порог Министерства обрядов. Он вошел в скромную — не слишком большую и не слишком маленькую — чистую комнату, которая стала его кабинетом, чтобы выполнять свою идеальную работу и начать свои дальнейшие хорошие деньки.

[П\п: *"поехал кататься и занимать официальную должность" — устроиться на работу с рвением].

Кроме того, он пунктуально начал приходить в большой зал, поскольку примкнул к ежедневным утренним аудиенциям императора.

Ранее он также должен был присутствовать на утренних заседаниях, но чиновники четвертого ранга и ниже присутствовали с внешней стороны большого зала — на площади, если быть точным. Оказав внутри зала любезность императору, которого не было видно снаружи, чтобы "когда есть дело, сделать шаг вперед и доложить, а когда докладывать нечего — отступить", он мог вернуться в свой кабинет и немного вздремнуть. Ему не нужно было терпеть усталость от недостатка сна и стоять в большом зале, не имея возможности уйти.

Войти в большой зал аудиенций и принять участие в обсуждении официальных дел — это почти, как парить в небе. Другие люди могли бы восхищаться и завидовать ему. Но для него это было довольно тяжело и накладно. Вздох: если бы он только знал, то в тот момент немедленно бы попросил о том, чтобы стать простым чиновником среднего класса, даже если бы пришлось получить понижение до более низкого чина — это было бы гораздо лучше. Его продвижение — это ладно, но почему у него должен быть третий ранг?!

Тем не менее, у всего есть свои положительные стороны. Министерство обрядов по сравнению с Министерством доходов действительно было гораздо более расслабляющим. Несмотря на то, что он также имел дело со многими общими делами, но теперь он был помощником министра — на один уровень ниже министра. Он мог назначать надлежащих и нужных людей, чтобы они делали за него дела, сортировали задачи, расшифровывали и копировали — все эти мелкие работы ему больше не нужно было делать самому. Ему нужно было только назначить чиновников более низкого ранга для завершения работ в своем списке, а затем еще раз внимательно проверить, есть ли ошибки или нет, прежде чем презентабельно предоставить работу вышестоящему министру.

Должность помощника министра обрядов была публично известна как праздная. Должность, которую люди больше всего избегали, так как не было никаких шансов на продвижение по службе. Тем не менее, Ли Цунцин радостно и неторопливо занял этот пост.

Коллеги в Министерстве обрядов также ладили лучше, чем в Министерстве доходов. Для чиновников среднего ранга в Министерстве обрядов Ли Цунцин был совершенно чудесным человеком. Если они допускали ошибку, он исправлял ее, направлял их мягким и приятным голосом и никогда не делал строгого выговора. Он выглядел рассеянным, как будто ему не хватало дисциплины, однако мог осознать так много мелких деталей, что предотвратил множество ошибок.

Самое странное было то, что независимо от места и времени, он всюду мог задремать. Если у коллег возникали проблемы, и они будили его, то могли видеть только тонкие и узкие сонные глаза, глядящие в документы, словно очень скоро он мог бы уронить голову на бумаги. Но после того, как он просматривал все документы, он все равно, как и раньше, мог правильно указать на ошибки. Даже мог проинструктировать, как пересмотреть и исправить данную

задачу. После этого он снова склонял голову, продолжая спать. Министр Чжан был снисходителен к нему. Он хочет спать — просто дайте ему поспать. Пока что он выполняет свои обязанности и заканчивает их вовремя. Внутренние дела становились все лучше и лучше.

Господин Ли на самом деле очень умен, он только любит немного поспать. От того, что его тело немного слабое, а кости немного мягкие, редко можно увидеть его стоящим прямо или сидящим бодро. Кроме этого, в нем не было ничего плохого. К такому выводу пришли чиновники Министерства обрядов после того, как понаблюдали за ним.

Но Ли Цунцин считал себя... Не желающим иметь никаких достоинств — только желающим не ошибаться.

Занимать должность помощника министра Министерства обрядов действительно соответствовало его вкусу. Не было ни малейшего желания перевестись в другое управление или продвигаться.

С другой стороны, император заметил, что Ли Цунцин часто дремал во время утренних заседаний. Иногда от начала и до конца он закрывал глаза, как бы концентрируясь на слушании, иногда кивал головой. Люди все еще думали, что он согласен с одной из политических точек зрения. Однако император мог ясно видеть, что он явно спал. Даже если бы он застыл в углу последнего ряда — угол, который в основном был неприметным — император все равно мог заметить его. Но он никогда не делал ему выговора на публике, просто вел себя так, будто не видел.

В конце концов, другие люди тоже заметили. С того времени Ли Цунцин получил прозвище — Сонный помощник министра.

Министр Сюй стал смотреть на него с еще большим презрением. Он часто пытался найти его ошибки, воспользоваться возможностью, чтобы изгнать его из большого зала. Он не мог вынести человека, имевшего столь небрежное отношение к нахождению в священном большом зале аудиенций. Вопреки его ожиданиям, за исключением сна, он не смог найти никакой вины. Император также закрывал глаза на то, что тот дремал, позволяя Ли Цунцину мирно стоять на своем месте до конца своей жизни.

Впоследствии император случайно узнал, что Ли Цунцин спал не только во время утренних заседаний, но и, как правило, обычно был ленивым, вялым человеком, который всегда казался невыспавшимся.

В какой-то день он случайно проходил мимо Министерства обрядов и заметил, как тот склонился над столом, задремав после обеда. Он спал так крепко, что не чувствовал вытекающую из его рта слюну. Император про себя заметил, что этот человек действительно любит спать — летаргическая натура — не зря же он попросил перевести его в Министерство обрядов.

Император вошел в Управление по общим вопросам Министерства обрядов. Все чиновники

сразу же покинули свои рабочие места и преклонили колени в поклоне. Один человек собирался встряхнуть Ли Цунцина, чтобы разбудить его. Император молча сделал жест, означающий “не шумите, иначе можете разбудить его”.

— Все вы можете удалиться, — Вэй Сяомяо сказал чиновникам тихим голосом, затем вышел вместе со всеми, оставив императора в служебном зале наедине с ни о чем не подозревающим помощником министра обрядов.

Император сидел рядом с ним. Молча глядел на его детское, невинное, спящее лицо. Было такое интригующее чувство, которого он никогда раньше не испытывал: просто от одного взгляда на этого человека его душа могла расслабиться и ощутить праздность. Казалось, что вся тяжесть с его плеч может быть временно снята.

Возможно, это потому, что никогда не было никого, кто мог бы настолько перед ним расслабиться. Даже его собственный двухлетний сын казался слишком осторожным рядом с ним. Только этот Ли Цунцин, будучи почтительным, мог показать высочайшее качество своей спокойной и праздной натуры.

Слегка улыбаясь, он поднял рукав, чтобы вытереть каплю слюны в уголке рта. Словно взмах крыльев бабочки, его пальцы ласкали слегка приоткрывшуюся пару губ.

Внезапно бабочки запорхали в животе императора, нежно, мягко, деликатно пульсируя от беспокойства.

В начале лета изредка из окна дул освежающий ветерок, мягко шуршал над колокольчиками из цветного стекла, подвешенными под карнизом. Раздавался чистый и мелодичный звон колокольчиков — приятный слуху нежный звук просачивался в сердце.

Император не окликал Ли Цунцина, не будил его. Он также не касался его рук или ног — только тихо сидел, беззвучно глядя на него. Ли Цунцин так и не проснулся до тех пор, пока он не ушел.

Но после того, как император ушел, Ли Цунцин медленно открыл глаза, неторопливо сел прямо, подняв руку, коснулся губ. Он сидел безучастно, будто в трансе, пока остальные не вернулись — только тогда он встал и потянулся, повернул талию, ударил себя по плечам и размял бока.

Ху! Ха! Дневной сон сделал его руки и ноги негнушимися и напряженными, его талию покалывало, а спина болела.

Спокойный ветер, безмятежные волны*, продолжались мирные деньки, лето прошло в

мгновение ока, и наступила осень.

[П\п: *"спокойный ветер, безмятежные волны" — тихая и спокойная атмосфера].

На своих плечах император несет бремя всего народа, наверняка, его нагрузка по сравнению с обычными людьми намного сильнее. По этой причине ему нужны надлежащие развлечения, чтобы не спеша расслабиться и освободиться от напряжения.

Императорский выезд на охоту был обычным досугом монарха. Чтобы полностью наладить функции тела и разума, а также поддержать тело в форме и нарастить силу. Особенно часто охота проводилась осенью.

В этом году, впервые перед выездом из дворца на осеннюю охоту, император позвал несколько гражданских чиновников — Ли Цунцин был одним из них. Причина заключалась в том, что гражданские чиновники также должны обладать здоровым телосложением, дабы они могли делать все возможное, чтобы служить стране всю свою жизнь.

Ли Цунцин, естественно, был слабым человеком, чьи руки были даже не в силах связать курицу. Нечего и говорить о его героическом настрое хлестать коня и скакать в лес, тем более о его способности держать охотничий лук. За то, что он не потерял равновесие на лошади и не упал на спину, он уже благодарил небо и землю. Кроме того, этой весной он получил ужасную травму. Хотя при должном уходе он уже выздоровел, но в плече, которое было ранено, время от времени появлялось ощущение дискомфорта, особенно при изменениях погоды.

Выбрав самую послушную кобылу — его езда на лошади была такой же неспешной, медленной — он плелся в самом последнем ряду далеко позади от основной процессии, по сравнению с ним даже запряженная волом телега была немного быстрее.

Поймав двух оленей, император вернулся в свою палатку отдохнуть и послушать отчет о правительственных делах, в то время как остальные его спутники распределились снаружи на охотничьих соревнованиях.

Когда все стремились быть лучшими и боялись стать последними* в охоте на лис и оленей, Ли Цунцин оставался таким же, как и прежде, болтаясь и слоняясь вокруг. Неспешно он отправился на прогулку насладиться пейзажем. Ему не хватало охотничьего интереса. Он бегал то тут, то там, гоняясь за мелким зверьем, изматывая себя даже больше, чем несчастное зверье.

[П\п: *"стремясь быть лучшими и боясь стать последними" — они превосходят друг друга или соперничают друг с другом в чем-то].

Само собой разумеется, он даже не справился с охотой на птицу или кролика. С пустыми руками он занял почетное последнее место. Ему было все равно: в любом случае, он не потеряет голову или работу из-за этого — самое большее, это может лишь вызывать насмешки

над ним как над никудышным.

Ценность человека не определяется количеством лис или кроликов, которых он поймал на охоте. Ли Цунцин полностью понимал свою ценность и свои возможности. То, как люди оценивали его, было их делом — для него это не имело большого значения.

С наступлением темноты все огромной и грандиозно процессией вернулись во Временную императорскую резиденцию. Многие люди предложили наловленное в качестве дани императору, желая получить благосклонность дракона. В конце концов, все эти загнанные животные были отправлены на кухню для подачи на стол и вошли в храм пяти внутренних органов*. Таким образом, не имело значения, поймал ли Ли Цунцин что-то или нет, так как он все равно потом мог это съесть.

[П\п: *"храм пяти внутренних органов" — сердце, печень, селезенка, легкие и почки].

Однако, если они могли отведать оленя, на которого охотился лично император, то это было то, что называлось получить великую милость монарха — большая честь, например, как иметь преимущество есть священную плоть Тань Сюаньцзана*.

[П\п: *Тань Сюаньцзан: Трипитака — буддийский монах Династии Тан и переводчик, путешествовавший в Индию].

Всех шокировало, что император позвал Ли Цунцина сесть рядом и поделился с ним оленьим мясом. Конечно, все остальные тоже разделили небольшой кусок мяса, но ни у кого из них не было такого большого куска, как у Ли Цунцина.

Император даровал самое нежное мясо грудины этому Сонному помощнику министра! Хорошо, все же в свое время тот спас жизнь праведному императору — это можно считать одной из заслуг, так что нет ничего экстраординарного, что император даровал небольшой кусок оленьего мяса. Отказываясь верить, чиновники деловито находили хорошие логические причины, чтобы не воспринимать это событие всерьез.

Ли Цунцин невозмутимо сидел рядом с императором. Понемногу он отщипывал и откусывал мясо оленя. Жевал осторожно и медленно глотал, отдыхая, не общаясь с другими людьми рядом. Император также действовал нормально и непрестанно принимал чиновников, выступающих вперед и предлагающих выпить вместе, столько, сколько им хотелось. Никто из них двоих не смотрел в сторону другого.

Праздник завершился только после того, как все напились и наелись до отвала. Чиновники вели свои разговоры парами и по трое.

— Господин Ли, вы заставляете меня завидовать вам до смерти! — эти слова сказал Гэн Байцзо, который подошел поговорить с Ли Цунцином. Его также пригласили присоединиться к этой охоте. Он тоже успешный кандидат прошлого года, сдавший имперский экзамен. Его можно

причислить к нескольким людям, которые хорошо ладили с Ли Цунцином. В настоящее время он занимал должность помощника министра Министерства транспорта и ирригации. Он стоял не слишком далеко от Ли Цунцина во время утреннего суда в Большом зале.

— Почему вы мне завидуете?

— Возможность съесть мясо оленя, на которого охотился Его Величество — это вызывает во мне восхищение вами!

"Верно, ты хочешь заменить меня, чтобы принять зависть и восхищение? Я бы с радостью отдал тебе этот кусок мяса", — подумал Ли Цунцин про себя. Затем небрежно сказал:

— Только кусок мяса — ничего, чем можно восхищаться!

— Человек, находящийся в благословении, не осознает этого благословения. Разве вы не знаете, сколько людей смотрели на вас?

Могу ли я отказаться от такого благословения? Он нисколько не собирался быть в центре внимания императора и всех остальных, он почти показал кислое выражение. Мясо только что было определено вкусным: жареная кожица была поджаристой и хрустящей, от одного укуса вкусный сок мяса почти брызгал... Однако теперь Ли Цунцин только чувствовал, что оно не отличалось от сахара, покрытого мышьяком, словно оно отравило его.

В это время он ощущал, что император "относился к нему благосклонно". Всегда желающий расслабиться Ли Цунцин слегка надулся и горько заплакал в своем сердце.

Наступила поздняя ночь, смех и крики во Временной императорской резиденции постепенно стихали. Наигравшись и устав, все пошло отдыхать.

Неожиданно Ли Цунцину не спалось. Он вышел медленно из Временной императорской резиденции и направился к степной равнине неподалеку.

Он поднял голову: сегодня вечером полумесяц выглядел, как крюк, звезды и созвездия ярко сияли. Млечный Путь простирался на всем протяжении огромного ночного неба, каждое созвездие ясно виднелось и отражалось в его глазах.

— Бэйдоу, Гоу Чэнь, Хубэнь, Линтай, Шао Вэй, Тайбай, Чжан Юань, Иньдэ*... — концентрируясь на наблюдении, он пробормотал все названия звезд и созвездий, которые мог видеть.

[Пр: *в Древнем Китае сформировалось собственное представление о звездах и созвездиях, соответственно и названия отличаются от привычных западных].

— Что это, что может заставить вас выглядеть столь поглощенным?

Эх?! Внезапно раздавшийся голос заставил Ли Цунцина подскочить от испуга. Повернув голову, он удивился, увидев императора, стоящего за его спиной на очень близком расстоянии.

— Скромный подданный отдает дань уважения Вашему Величеству, — повернулся он суетливо, приветствуя монарха.

Император протянул руку и поднял его, не давая ему опуститься на колени.

— Господин помощник министра Ли, нет нужды быть слишком формальным. В следующий раз, когда увидите меня, не нужно соблюдать формальности.

Ли Цунцин приостановился, поклонился, сложив руки:

— Смиранный подданный повинуетя.

— На что вы смотрите?

— Звезды. Сегодня здесь подходящее место, чтобы увидеть конфигурации звезд.

— Вы часто наблюдаете конфигурации звезд?

— Да.

Император, наконец, понял, что Ли Цунцин не только по своей природе любил спать — одна из главных причин заключалась в том, что он наблюдал за звездами каждую ночь, в результате чего спал в течение дня.

— Вы хотите предвидеть удачу или бедствия, предсказанные звездами?

— Ответ Вашему Величеству: скромный подданный наблюдает за звездами просто в свое удовольствие, ему просто хочется смотреть на них. Совсем не для того, чтобы делать астрономические наблюдения о бедствиях или консультировать людей. Таким образом, он не может предвидеть удачи или бедствия, — ответил Ли Цунцин. Его зрочки блестели и искрились под ночным небом совершенно невиданным прежде сиянием. — Судьба человека находится в его собственных руках. И не определяется звездами в далеких местах.

Император улыбнулся, спросив его:

— Вы желаете перевода в астрономический кабинет?

— Благодарю Вас, Ваше Величество, но лучше я откажусь. Когда увлечение становится обязательством, то теряется удовольствие, — по этим словам можно было увидеть, как свободно проводил свое время в этом мире Ли Цунцин: для него было важно проводить жизнь в досуге, привнося в нее такие вещи, как увлечение.

Вероятно, оттого что они говорили о самой любимой теме Ли Цунцина, возможно, из-за сердечных манер императора они оба, слово за слово, начали вести праздную беседу. Постепенно они стали более расслабленными друг с другом, больше не было ограничений или напряжения, не было никакой дистанции.

— Например, появление Марса с древних времен считалось катастрофой и национальным бедствием, а также самым страшным предзнаменованием. Дело в том, что это только естественная схема его вращения, — Ли Цунцин указал на звезды. Очень редко он первым начинал общение. — Звезды, независимо от того, какое движение они совершили в небе, в конце концов, вернутся на то же самое место.

Звезды напоминали рассеянные кристаллы льда, заполнившие небо. Мерцающая и мигающая, каждая из них, как будто скрывала свою собственную историю.

Император понял, что ему нравится слушать голос и неторопливую речь Ли Цунцина, и слегка наклонился, прислушиваясь.

Ли Цунцин понял, что ему нравится видеть легкую и нежную улыбку императора. Теплое и интимное поведение императора заставило его почти забыть, что они были монархом и подданным.

Несколько часов назад Ли Цунцин все еще переживал из-за особого отношения императора к нему, но поболтав некоторое время, он отбросил печаль на задний план. Забыть все в одно мгновение — одна из его сильных сторон. Более того, даже если император хотел взглянуть на него с другой стороны — это было вне его контроля. Он был слишком ленив, чтобы раздражаться — лучше не раздражаться.

Стоя, они разговаривали, а устав стоять, сели бок о бок, плечом к плечу.

Они оба замолчали, но атмосфера не стала некомфортной из-за тишины.

Просто сидеть спокойно и расслабленно, не произнося ни единого слова — это тоже может создать очень хорошее ощущение.

Любящий поспать Ли Цунцин сидел — неосознанно он сидя заснул. Его голова кивала и клонила, его тело дрожало и покачивалось, чрезвычайно неуважительно опираясь на плечо

императора рядом с ним.

Император повернул голову и пристально посмотрел на него.

Они оба прижимались друг к другу так близко, что можно было почувствовать теплое дыхание друг друга. Невольно румяные розовые губы тоже оказались на очень близком расстоянии.

"Твои губы — они вкусные? Дай мне попробовать, хорошо?"

При этой мысли император не смог сдержаться и, склонив голову, мягко прижался к красным, как весенний цветок губам... В долю секунды — он даже сам испугался — подскочив всем телом, он быстро встал.

Согнутое тело Ли Цунцин упало на траву, он проснулся, открыл пару туманных глаз и, не понимая в чем причина, мрачно посмотрел на императора.

Император молча глядел на него — всегда мягкий и утонченный человек, никогда не показывающий на своем лице ни счастья, ни гнева — в этот момент казался несколько раздраженным и сердитым, в его глазах, потемневших, как океан, плескались смешанные чувства.

— Что случилось? — моргнул Ли Цунцин.

Горло императора сжалось, неведомая вспышка промелькнула в его глазах, с неприятным выражением лица он отвернулся. Больше не глядя на Ли Цунцина и не говоря ни слова, он повернулся и ушел.

— На что он сердится? — озадаченно пробормотал про себя Ли Цунцин. Покачив сонной головой, он откинулся на траву. С удивительной скоростью он снова погрузился в страну грез.

Так как, находясь дома, он часто засыпал во дворе, он уже привык к этому. Он не подумал, что дома всегда был кто-то, кто принесет ему одеяло, накроет его тело, но здесь было пустынное открытое пространство — небеса не будут так добры, чтобы сбросить теплое одеяло для него.

Однако, что его удивило, так это то, что на следующий день, проснувшись, он понял, что не знает, когда вернулся в комнату во Временной императорской резиденции. Также было неясно, кто его вернул. Он спал так крепко — почти неотличимо от обморока. Пейзаж под открытым небом, казалось, застыл в сознании.

Ммм... Возможно, это император? Вздох — подобное не могло произойти!

Ли Цунцин ошибался! Тот, кто принес его обратно в комнату — то, что он считал самым

невозможным — это был именно император.

После того, как Сун Ю ушел довольно далеко, он не мог не обернуться назад и не посмотреть на Ли Цунцина. Неожиданно тот не встал, а только откинулся на спину, продолжив спать. Императору захотелось немного разозлиться, а также захотелось рассмеяться. Ленился до такой степени — он действительно не знает, как правильно позаботиться о себе!

Осенняя ночь была очень холодной. У императора не хватило духу позволить Ли Цунцину страдать от ледяного ветра, он мог только вернуться обратно. Первоначально император намеревался приказать Ли Цунцину возвратиться во Временную императорскую резиденцию, но на некоторое время он замешкался, увидев такой крепкий сон. Нагнувшись, император подхватил его в свои объятия. Избегая дежурившего ночного стража, он уложил Ли Цунцина в пустой комнате, после чего поспешно удалился, не задержавшись даже на мгновение...

Император, ранее умевший держать себя в руках, впервые в жизни потерял над собой контроль.

От редактора:

Сюда я вынесла расшифровку всех звезд и созвездий, которые перечисляет Ли Цунцин.

Наблюдавшие за небом в Древнем Китае сосредоточили свое внимание не на движении солнца (как в Древней Греции), а на Полярной звезде и делили северные созвездия в зависимости от их положения по отношению к ней на 28 лунных стоянок и Три небосвода.

Занятно, что Три небосвода представлялись, как модель города, и названия были соответствующие. В центре был Пурпурный запретный небосвод (Внутренний дворец императора с наложницами и придворными), Небосвод верховного дворца (здесь обитали правительственные чиновники и дворяне) и Небосвод небесного рынка (место, где жили обычные люди). Все они отделялись друг от друга "стеной" из астеризмов.

Итак:

Бэйдоу (Северный ковш) — соответствует созвездию Большая Медведица в западной астрологии.

Гоу Чэнь (Кривой массив) — соответствует созвездию Малая Медведица.

Хубэнь (Телохранитель императора) — одиночная звезда, входит в астеризм Небосвод верховного дворца, соответствует созвездию Льва в западной астрологии.

Линтай (Астрономическая обсерватория) — входит в астеризм Небосвод Верховного Дворца, соответствует созвездию Льва.

Шао Вэй (Младшие офицеры/сотрудники) — входит в астеризм Небосвод верховного дворца, соответствует созвездию Льва и Малого Льва.

Тайбай (Слишком белый) — древнекитайское название Венеры.

Чжан Юань (Длинная стена) — входит в астеризм Небосвод верховного дворца, соответствует созвездию Льва.

Иньдэ (Судейство или Скрытое достоинство) — входит в астеризм Пурпурный запретный небосвод, соответствует созвездию Дракона в западной астрологии.

<http://bllate.org/book/15018/1327365>